

6

Т. Дайбер

Несколько замечаний к переводу Симеона Тодорского «Четыре книги об истинном христианстве»

1. Вступление. В своей последней статье¹ покойный профессор Дитрих Фрейданк указал на некоторые особенности перевода Симеона Тодорского «Четыре книги об истинном христианстве»². Фрейданк заметил, что Тодорский модифицировал оригинал немецкого пиетиста Иоанна Арндта³ с православной точки зрения. Резюмируя тезис Фрейданка, следует назвать основные положения, отмеченные в переводе Тодорского:

1) смягчен эмоциональный проповеднический стиль Арндта за счет риторических, в духе Эпохи барокко выражений;

2) опущены имена авторитетных деятелей церкви и теологов, признаваемых только западной церковью;

3) протестантское понятие «проповедь» идентифицировано с евангельскими чтениями православной службы;

4) смягчены места, где Арндт говорит о службе Божией «внутри сердца» каждого человека; они заменены на представления об общей церковной службе.

Таким образом, Дитрих Фрейданк установил, что Тодорский — не только переводчик, но скорее внимательный читатель Арндта, который в ходе перевода перерабатывал оригинал. Он не только изменял речевой стиль Арндта, но и вмешивался в содержание его произведения.

Наблюдения Фрейданка представляют интерес при изучении переводческих работ Тодорского как в литературоведческом, так и в лингвистическом плане. Кроме того, аспекты такого «тенденциозного» перевода Тодорского по-новому освещают отношения между халльскими и русскими теологами, указывая на различную направленность в диалоге между немецкими и русскими партнерами. Немецкие пиетисты окружения Франке в Халле намеревались распространить свою миссию на Востоке и поддерживать возникшие протестантские тенденции в славянских землях. Государственные власти — немецкие и русские — имели совершенно другие намерения. Прусский великий курфюрст Вильгельм I приглашал на свои пустующие земли пиетистов, поскольку те были трудолюбивыми и не возмущали граждан. Царь Петр I интересовался халльскими пиетистами, в связи с желанием реформировать систему русских учебных заведений по халльскому образцу⁴.

Т
И
Г
Т
Н
З
“
С
Л
К
Р
Т
Ф
Р
Ц
П
К
С
Т

В ситуации, когда религиозные и политические намерения с самого начала противопоставлялись друг другу, возникает вопрос: как истинный православный теолог обходился с пиетистскими взглядами? Когда Тодорский приехал из Киева в Халле, он уже был опытен в теологических вопросах и здесь хотел продолжить обучение, причем в это время он уже не был новичком, впервые столкнувшись с иными понятиями, а прибыл в Халле как православный теолог, который мог критически оценить и другие мнения.

Мне хотелось проверить, подтверждается ли тезис Фрейданка о православных тенденциях в переводе Тодорского, и если да, то делались ли эти изменения случайно и без видимой системы, или они производились намеренно и систематически?

II. Постановка вопроса. Для изучения вопроса о систематическом проявлении православных тенденций в переводе Тодорского я выбрал небольшую часть перевода, а именно примеры из сферы терминологии отражения образных отношений между двумя феноменами. На почве православного иконопочитания и, вообще, в православной культуре невозможно не переосмыслить понятия, касающиеся вопросов образных отношений. Арндт, не воспитывавшийся в такой специфической культурной сфере, напротив, пользовался этими понятиями совсем иначе.

Об этом свидетельствует малоизвестная работа Арндта⁵ под названием «Иконография» (1596). В ней Арндт рассматривает образную речь в Библии и при этом касается вопроса о соотношении слова и образа вообще. Мы не будем подробно толковать взгляды Арндта, хотелось бы, однако, заметить, что Арндт говорит об актуальных в его время вопросах. Вот только короткая цитата, где он подводит итоги своего трактата: «...феномены природы — как будто бы буквы Бога, которые мы должны читать и из которых мы можем узнать Божий закон. Вместе с тем, настоящие буквы в Библейской книге формируют другие образы, тоже выражая закон Божий, но с точки зрения речевой “притчи”». Итак, мы наблюдаем у Арндта терминологическое смешение, которое состоит в том, то понятие «образ» употребляется для реальных, видимых феноменов, воспринимающихся как знак творителя мира; затем оно как знак Бога идентифицируется с речевыми знаками Бога, т. е. с Божьим словом.

Ганс Блюменберг в книге «Познаваемость мира» указал, что такое восприятие понятий «образ», «слово» и «знак» и идентификация речевых знаков Библии со знаками природы характеризует ранний этап западного просвещения⁶. Как об одном из представителей такого восприятия мира Блюменберг пишет о Парацельсе; при этом нужно отметить, что сам Арндт был знаком с его теориями. Таким образом, мы можем не только констатировать, что Арндт выражает актуальные для своего времени

взгляды, но и установить, что терминология Арндта, касающаяся вопросов образа, базируется на риторическом, метафорическом словаре. Смещение речевого знака в Библии со знаком в природе возможно только в метафорическом смысле. Из сказанного о терминологии отражения у Арндта следует, что существует большое различие между его употреблением понятий для образных отношений и их восприятием в мире православном. Для православной культуры прототипом образных отношений является икона⁷. Икона в православном смысле — истинный образ; не только метафорическое подобие, но выражение самого естества изображаемого феномена в свете высшей истины. Об иконе нельзя говорить как об отношении подобия между двумя феноменами, но только как об истинном выражении естества самого феномена.

Это и побудило меня заниматься терминологией образных отношений в работе Арндта, а также в ее переводе Тодорским. Если Тодорский перерабатывал оригинал с православной точки зрения, то именно в области терминологии образных отношений он неминуемо сталкивался с большими трудностями. И именно в связи с этим должны были возникнуть не случайные изменения в тексте оригинала, но его систематическая переработка в процессе перевода.

III. Оригинал и перевод. Перечитывая вступление и начало работы Арндта и сравнивая лексический состав для выражения образных отношений с переводом Тодорского, мы сразу замечаем, что для немецких понятий Тодорский очень строго использовал определенные «русские» эквиваленты. (Для краткости я буду называть язык перевода Тодорского «русский», чтобы не употреблять громоздкого «церковнославянский язык южнорусского или украинского извода». Нам предстоит еще определить язык Тодорского, что в рамках этой статьи сделать невозможно.) Так, для немецкого слова *Bild* мы находим в переводе Тодорского почти всегда русское слово «образ», для немецкого глагола *abbilden* — «изобразить», для немецких слов *Gleichnis*, *Ähnlichkeit* и т. д. находим «подобие», для немецких слов *Exempel*, *Beispiel* — «пример».

В большинстве случаев названные немецкие понятия регулярно переводятся одними и теми же русскими словами и не вызывают никакой трудности. Нет причины видеть в этих переводческих решениях ничего другого, кроме нормальной лексической адекватности между немецким и русским языком.

Но существуют и другие места в переводе Тодорского, которые понимаются неоднозначно. Они связаны с теми случаями, когда Арндт говорит об образных отношениях не только в общем смысле, но когда эти понятия выражают отношения между феноменом и его образом. В таких случаях Тодорский пользует-

Г
Д
Т
О
К
Т
К
Н
Н

ся иными словами или добавляет другие понятия. Рассмотрим несколько таких примеров.

Уже в первом предложении первой главы в «Истинном христианстве» говорится о центральном образном отношении, которое обосновывает взаимоотношение между человеком и Богом.

Das Bild Gottes im Menschen / ist die Gleichförmigkeit (...) aller in — und äusserlichen Leibes[-] und Seelen Kräfte / mit Gott und der Heil. Dreyfaltigkeit (...) (Arndt, 1697, 1).

образъ божїи въ человѣцѣ, есть подобіе (...) всѣхъ внѣтренныхъ и внѣшнихъ, тѣлесныхъ и доушевныхъ силъ, сообразное богови триипостасному или триличному (...) (Тодорский, 1735, 2).

Арндт не только парафразирует в своей формулировке теорему из библейской книги «Бытие» о сотворении человека по образу Бога, но и выражает взгляды Парацельса о сходстве между микрокосмосом и макрокосмосом, когда пишет, что образное отношение человека к Богу состоит не только в душевных, но также и в телесных качествах человека. Таким образом, отражается актуальный взгляд на мир, который в свое время казался очень спорным. Не останавливаясь подробно на этом вопросе, заметим только, что Арндт говорит о фундаментальных теологических положениях, и Тодорский, конечно, знал, что здесь выражается один из центральных догматов христианской веры.

Это надо иметь в виду, задаваясь вопросом, почему Тодорский в своем переводе добавил слово «сообразное», которое в немецком оригинале, как между прочим и в других славянских переводах книги Арндта, отсутствует.

Мы видим, что Тодорскому казалось необходимым парафразировать немецкое *Gott und die Hl. Dreifaltigkeit* выражением «Бог триличный и триипостасный» и перейти таким образом на другой, т. е. официальный, теологический тон. Этот тон выражается также добавлением слова «сообразное», которое известно нам в значении «сходный, подобный». И именно в этом смысле Тодорский добавил в своем переводе слово «сообразное». Арндт говорит о подобии между человеком и Богом во всех формах проявления их естества, т. е. он говорит об абсолютном подобии. Для Тодорского возможно только сравнение человека с Богом, т. е. он говорит более осмотрительно. Если Арндт пишет о всеобъемлющем подобии, то Тодорский хочет подчеркнуть, что такое подобие носит только относительный и частный характер. Такое понимание слова «образ» в связи с цитированным местом книги «Бытия», где как бы не говорится о видимом и естественном подобии (как у Арндта), но только о сравнении в абстрактном, частном виде, характерно и для Иоанна Златоуста, который

понимает слово «образ» под иерархическим углом зрения: «Итак образ Он поставляет в господстве, а не в другом чем. <...> Бог сотворил человека властителем всего существующего на земле, и нет на земле ничего выше его, но все находится под его властью»⁸. Слово «образ» в таком смысле не означает субстанциального подобия между человеком и Богом, но только «системное» с точки зрения иерархии: человек сотворен по образу Бога, поскольку ему следует быть властителем животных и растений на земле, а Бог — властитель всего живого и мертвого.

Конечно, одно только место в переводе Тодорского не дает возможности говорить о тенденциозной переделке всего немецкого оригинала. Рассмотрим другие места, где Тодорский не вполне точно следует оригиналу.

Когда Арндт пишет о сотворении человека по образу Бога, используя библейские выражения, перевод Тодорского полностью ему соответствует, поскольку слово «образ» употребляется уже и в церковнославянском переводе Библии:

Eine solche heilige Unschuld ist das Bild Gottes in Adam auch gewesen... (Arndt, 1697, 7).

Такова святая непорочность, и во адамѣ была образъ божи... (Тодорский, 1735, 9).

Но когда Арндт варьирует немецкое слово *Bild* в *Bildnis* и приходит к выводу, что образное отношение между человеком и Богом означает, что Бог сам «живет» в человеке, Тодорский изменяет в переводе это эмоциональное представление:

Fürs andere / sollte der Mensch sich also selbst erkennen / daß er durch daß Bildniß Gottes fähig wäre worden / der göttlichen / lieblichen / holdseligen Liebe / Freude / Ruhe / Stärcke / Kraft / des Friedes / Lebens / Lichts / auf daß Gott alles allein im Menschen wäre / allein in ihm lebe und wircke (Arndt, 1697, 7сл).

Долженствоваше пакы человекъ такъ познати себе, яко онъ чрезъ подобіе божіе на себѣ изображенное, сотворилсѣ участникомъ божию пресладкію любви, радости, мира, покою, жизни, крепости и свѣта; дабы богъ единъ имѣлъ в немъ селеніе свое, и дѣйствовалъ всю (Тодорский, 1735, 9).

Тодорский немецкие *Stärke* и *Kraft* переводит только одним русским словом «крепость», может быть, они показались ему синонимичными. Но вместе с тем то, что в немецком тексте Бог в самом деле «живет» (см. *lebe*) в человеке, Тодорский передает представлением о человеке как участнике божьих даров. У Арндта любовь, радость, крепость и т. д. — божественные, и, если человек хочет быть образом Божиим, то у него — человеческие

качества. У Тодорского все перечисленные свойства — только божественные, это — дары покорному человеку. У Арндта человек является субъектом действия, у Тодорского — это Бог. У Арндта Бог «живет» в человеке как будто воплощается в нем; у Тодорского Бог «имеет селение» в человеке как будто возвышается в нем на троне.

Тодорский избегает эмоционального стиля Арндта и, кроме того, избегает употребления слова «образ», если речь идет о естественном соотношении между человеком и Богом.

Мы уже сказали, что Тодорский почти всегда переводит немецкие слова *Beispiel*, *Exempel* русским эквивалентом «пример». Но существуют места, где он варьирует слова:

Dessen allen hast du ein lebendig Exempel und Abbild in den sieben Buß-Psalmen (Arndt, 1792, 5b [= «Johann Arnds erste Vorrede»]).

Образъ и начертаніе сего живое, въ покаянныхъ псалмахъ вобрѣтается (Тодорский, 1735, 17 [= Предисловіе]).

Мы видим, что Тодорский не пользуется словом «пример» для *Exempel*, но употребляет слово «начертание», которое мы находим и в других местах перевода. Например:

Der Mensch solte nicht Gott selbst seyn / sondern Gottes Bild / Gleichnis / Contrafeit und Abdruck... (Arndt, 1697, 5).

Человѣкъ неподобае быти богомъ, но точію образомъ воимъ, подобіемъ и начертаніемъ егво... (Тодорский, 1735, 6).

Здесь словом «начертание» выражается значение двух немецких слов *Contrafeit und Abdruck*. Почему Тодорский не пишет «отпечаток», а напротив, пользуется понятием «начертание»?

Для Тодорского понятие «начертание» означает что-то другое, более абстрактное, что мы видим в следующем примере;

Dann ein Bild ist / darinn man eine gleiche Gestalt siehet (Arndt, 1697, 2).

Образъ бо есть, в немже подобныи зракъ и начертаніе изображается (Тодорский, 1735, 3).

В данном случае Тодорский полностью изменил немецкое предложение. У Арндта мы видим нечто в образе; у Тодорского нечто изображается в образе. В немецком тексте наблюдатель образа является субъектом предложения; в переводе Тодорского субъектом предложения является само содержание образа. В противоположность Арндту Тодорский подчеркнул не человека-наблюдателя, но то, что изображается, и в этом — причина того, что переводчик обозначает изображенное с помощью двух слов, а именно: «зрак» для внешнего вида изображенного и «начертание» для внутреннего вида изображенного.

Сегодня слово «начертание» обозначает, как правило, внешний вид, а во времена Тодорского (как мы видим в Словаре русского языка XI—XVII вв.) слово «начертание» означало внутренний вид, который также изображается на иконе⁹. Поэтому в приведенном выше примере Тодорский переводит *Exempel* словом «начертание», поскольку речь идет не о внешнем примере, но о живом, т. е. об образном отношении, которое обосновывается внутренним естеством.

Безусловно, можно дискутировать по поводу всех примеров, которые были предложены, поскольку многое в таком понимании перевода Тодорского зависит от взглядов интерпретатора. Несмотря на это, думаю, что изменения в переводе Тодорского не случайны, а их надо оценить как индивидуальные решения переводчика.

IV. Подведение итогов. В заключение хотелось бы подчеркнуть, что если речь идет о вопросе отражения, когда Арндт говорит об образных отношениях, то Тодорский внимательно и систематически изменяет текст немецкого оригинала. С одной стороны, он строго переводит немецкие понятия образных отношений их точными русскими эквивалентами. С другой, обнаруживаются изменения немецкого оригинала, которые трудно оправдать, если не допустить, что Тодорский имел свои собственные воззрения в сфере понимания образных отношений.

Ясно, что на основе только вышеприведенных примеров и, может быть, вообще на основе такой специфической терминологии решить вопрос о систематическом изменении оригинала Тодорским невозможно.

Однако, по моему мнению, указанными наблюдениями можно подкрепить тезис Дитриха Фрейданка о том, что Тодорский модифицировал немецкий оригинал под православным углом зрения. В подтверждение тезиса Фрейданка находим и другие примеры:

...wenn er [der Glaube] aber im Creutz seuffzet (Arndt, 1697).

...егдаже подъ крестомъ воздыхаетъ (Тодорский, 1735, 14 [= Предисловіе]).

По словам Арндта, вера вздыхает на кресте, т. е. крест — внутри каждого человека и каждый верующий висит на кресте, как Христос. Тодорский, напротив, представляет нам сцену под крестом Христа, и сменяет эмоциональное, типично пиетистское выражение на сюжет голгофского распятия.

Мне кажется, что не только в таких ярких примерах, но и в узкой области специфической терминологии можно наблюдать тенденцию Тодорского давать своему переводу несколько другое

направление. Он переводит проповедническую речь Арндта под теологическим, православным углом зрения. На наш взгляд, дифференциация Тодорским внутренних и внешних образов тоже принадлежит к этой тенденции: сделать эмоциональный оригинал более теологическим.

Если это так, тогда нам предстоит двойная задача при изучении языка Тодорского. С одной стороны, необходимо выяснить возможные отношения между языком Тодорского и языком других теологических творений южнорусского и русского извода. Для этого предстоит изучить общие языковые явления в переводах Тодорского. С другой стороны, предстоит изучить индивидуальные черты языка Тодорского, которые, возможно, выражаются прежде всего в области лексики и о которых нельзя судить, не принимая во внимание содержание текста и православные воззрения переводчика. Что такой индивидуальный язык Тодорского существует, я и попытался показать в данной статье.

Примечания

- ¹ *Freydank D.* Betrachtungen zur Sprache von Todorskijs Übersetzung der «Vier Bücher vom Wahren Christentum» von J. Arndt, Halle, 1735 // Tausend Jahre Taufe Rußlands. Rußland in Europa / Ed. H. Goltz. Leipzig, 1993. S. 325—331.
- ² Чтири книги в истинномъ христѣанствѣ ... зъ нѣмецкаго языка на рѣскимъ / переведеннѣи и напечатаннѣи. / въ Галѣ аџле. [1735] годѣ. Todors'kij S. (Переводчик) 1735.
- ³ *Arndt J.* Vier Bücher vom Wahren Christenthum. Nordhausen, 1697.
- ⁴ *Brecht M.* (ed.). Geschichte des Pietismus. T. 1 (Der Pietismus vom siebzehnten bis zum frühen achtzehnten Jahrhundert). Göttingen, 1993; T. 2 (Der Pietismus im achtzehnten Jahrhundert), Göttingen, 1995; *Deppermann K.* Der hallesche Pietismus und der preußische Staat unter Friedrich III (I.). Göttingen, 1961.
- ⁵ *Arndt J.* Ikonographia. Gründtlicher und christlicher Bericht von Bildern, ihrem Ursprung, rechtem Gebrauch wie Mißbrauch, im Alten und Neuen Testament. Halberstadt, 1596.
- ⁶ *Blumenberg H.* Die Lesbarkeit der Welt. 2. Aufl. Frankfurt a. M., 1983. S. 68.
- ⁷ О моем понимании теории иконы см.: *Daiber Th.* Aufschriften auf russischen Ikonen. Freiburg. i. Br., 1997 (глава 1).
- ⁸ *Иоанн Златоуст.* Избранные творения. Беседы на книгу Бытия: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 62. (= Репринтное издание: Творения Иоанна Златоуста в русском переводе. С.-Петербург, 1898. Т. 4.)
- ⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 10. М., 1983. С. 314: «Истинному бѣгу кланяитеса, не идоломъ безгласнымъ, но начертанию его кланяитеса».